

Е.В. Махмутова

РОЛЬ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. Центральная Азия (ЦА) сегодня находится в фокусе внимания крупных центров силы, таких как Россия, Китай, США. Каждое из этих государств стремится развивать собственный опыт взаимодействия со странами региона, руководствуясь политическими, экономическими, военными мотивами, соотношение между которыми зависит от условий конкретного государства.

Одним из активных региональных акторов в Центральной Азии становится Узбекистан (РУз), чья внешняя политика проходит под знаком экономизации, т. е. сопряжения его международной деятельности с актуальными потребностями национальной экономики. Узбекистан остается верен своей политике многовекторности, не отказываясь, несмотря на сложную геополитическую обстановку, от уже сложившихся контактов ни с Западом, ни с Востоком.

Сегодня наибольший интерес с точки зрения инвестиционной привлекательности Узбекистан представляет для Китая. В рамках китайской инициативы «Пояс и путь» китайское руководство поступательно реализует задачи раскрытия потенциала Узбекистана как пространства для капиталовложений и реализации цифровых проектов, как транспортно-логистического хаба, рынка сбыта продукции и поля распространения китайских культурно-гуманитарных программ.

Значимость китайского трека для узбекской внешней политики иллюстрируется регулярностью встреч на высшем уровне, включая международные площадки, и постоянством взаимодействия в различных отраслях экономики.

В статье рассматриваются уже сложившиеся и новые форматы взаимодействия Узбекистана и Китая, отмечается растущая зависимость экономики РУз от китайских инвестиций и программ. Подчеркивается, что наступательный характер китайской экономической активности в Узбекистане отвечает запросам в экономизации его внешней политики, способствует созданию рабочих мест, подготовке квалифицированных кадров для работы на китайских и совместных предприятиях, повышает транзитные возможности Узбекистана. Однако в то же время такая активность может представлять угрозу для выбранной страной линии на многовекторность. При условии сохранения нынешнего формата отношений Узбекистана и Китая повышается зависимость узбекской экономики от одного — китайского — направления, не создаются достаточные условия для стимулирования собственного экспорта, сохраняется импортоориентированность узбекской экономики, а также вынужденная диспропорция в инвестиционных потоках извне.

Ключевые слова: Узбекистан, Китай, Центральная Азия, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), инвестиции, экономика, безопасность, санкции.

Автор: Махмутова Евгения Викторовна, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (адрес: Москва, Ленинградский проспект, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ye. V. Makhmutova

The role of China in current Uzbekistan foreign policy

Abstract. Central Asia is currently the focus of attention of major powers, such as Russia, China, and the United States. Each of them develops their own cooperation with the countries of the region, observing different proportions by political, economic, and military motives.

Uzbekistan is becoming one of the active regional actors in Central Asia, whose foreign policy is marked by economization, that is, combining international activities with the current demands of the economy. Uzbekistan adheres to its multi-vector policy, not abandoning, despite the difficult geopolitical situation, the already established contacts both in the West and in the East.

China pays significant attention to Uzbekistan today in terms of its investment attractiveness. Within the framework of the Chinese Belt and Road Initiative, the Chinese leadership is progressively implementing the tasks of unlocking the potential of Uzbekistan as a space for investment, a

transport and logistics hub, the object of implementation of its digital projects, a place to sell its products and to disseminate Chinese national cultural and humanitarian programs.

The importance of the Chinese track for Uzbek foreign policy is expressed in regular meetings at the highest level, including international platforms, and in constant industry communication in various branches of economy.

The article examines the established and new formats of interaction between Uzbekistan and China, and notes the growing dependence of the Uzbek economy on Chinese investments and programs. It is emphasized that the offensive nature of Chinese economic activity in Uzbekistan, on the one hand, meets the demands for the economization of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan, promotes job creation, generation of qualified personnel to work at Chinese and joint ventures, and increases Uzbekistan's transit opportunities. And on the other, — such activity may pose a threat to Uzbekistan's option of a multi-vector approach. If the current format of relations between Uzbekistan and China is maintained, the dependence of the Uzbek economy on one direction increases, sufficient conditions are not created to stimulate its own exports, the import orientation of the Uzbek economy remains as well as an impressive imbalance in investment flows from outside.

Keywords: Uzbekistan, China, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI), investments, economy, security, sanctions.

Author: Evgeniya V. MAKHMUTOVA, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: Moscow, Leningradsky Prospekt, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of conflict of interests.

Введение

Глобальная напряженность, вызванная конфликтом на Украине и расширением санкционной практики западных стран как против России, так и других государств, включая Китай, актуализирует вопрос о выборе внешнеполитической тактики для тех государств, которые в силу исторических особенностей вынуждены маневрировать между несколькими центрами силы. К таковым можно отнести Узбекистан (РУз), который играет одну из ведущих ролей в Центральной Азии.

Обострение международной обстановки после 2022 г. способствовало росту внимания внешних игроков к ЦА, а снятие коронавирус-

ных ограничений еще более ускорило процесс возвращения влиятельных акторов в ЦА. Международное внимание растет ко всем странам центральноазиатской «пятерки», и Узбекистан, в силу своих экономических, ресурсных, демографических характеристик, находится сегодня в фокусе региональной «диспозиции».

На фоне роста напряженности Узбекистан стремится к сбалансированной внешней политике, выстраивая отношения с крупными центрами силы на многовекторной основе. РУз, как и все страны Центральной Азии, испытывает серьезное давление со стороны западных игроков, неоднократно угрожавших применить вторичные санкции к тем национальным компаниям, которые будут уличены в нарушении режима санкций в отношении России [Притчин, 2023, с. 110]. Однако исторически глубокие связи Узбекистана с Россией, а также дружеский характер отношений между лидерами двух стран препятствуют отрыву Республики от России, несмотря на прямые призывы к этому со стороны американских чиновников¹.

Узбекистан как фокус внимания Китая в Центральной Азии

Китай традиционно сохраняет повышенный интерес к Узбекистану, особенно заметно активизировав свою центральноазиатскую политику после 2022 г. При этом нельзя утверждать, что именно 2022 год дал импульс ко сближению Пекина и Ташкента. Отношения между двумя государствами складывались довольно успешно и до указанного времени как на двусторонней основе, так и в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», стартовавшей в 2013 г.

Китай занимает важное место в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах Узбекистана. Лидеры двух стран стремятся поддерживать регулярный диалог, встречаясь на различных площадках в рамках многостороннего сотрудничества и на двусторонней основе.

Рост текущей активности Китая в Узбекистане обусловлен стремлением китайского руководства компенсировать длительную паузу в отношениях времен пандемии, и не случайно первый визит после снятия коронавирусных ограничений в 2022 г. Си Цзиньпин совершил именно в Центрально-Азиатский регион [Лексютина, 2023, с.80].

¹ В США призвали «разъединить» экономики России и стран Центральной Азии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2022/63220a079a79471b3dd4a74b> (дата обращения: 30.04.2024).

А в 2023 г. в результате визита президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Китай на саммит «Центральная Азия—Китай» состоялось утверждение Программы развития всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху между Узбекистаном и Китаем на период 2023—2027 гг. Данная программа предполагает, среди прочего, обеспечение благоприятных условий для китайских компаний на узбекском рынке.

Визит был ознаменован подписанием различных документов в области экономического сотрудничества, а во время визита в г. Сиань президент Узбекистана нажал символическую кнопку, запустив, таким образом, несколько совместных проектов по производству различных видов продукции.

В январе 2024 г. состоялся государственный визит президента Узбекистана в Китай, в ходе которого лидер РУз снова встретился с председателем КНР. Оба лидера отметили высокий уровень партнерства между двумя странами, «всепогодный» характер двусторонних отношений и взаимный интерес сторон к достижениям друг друга в различных отраслях экономики. Также были обсуждены совместные проекты и намечены планы на будущее. Президент Узбекистана подчеркнул, что это был его первый в 2024 г. зарубежный визит, и тем самым он констатировал особую значимость китайского трека для узбекской внешней политики.

Стоит отметить, что сотрудничество двух стран не ограничивается межгосударственными проектами. Активно развивается и межрегиональное взаимодействие. Так, в рамках госвизита Ш. Мирзиёева в Китай состоялся узбекско-китайский межрегиональный форум в г. Урумчи с участием деловых кругов двух стран. В рамках форума прошла выставка достижений Узбекистана, на которой демонстрировались возможности регионов центральноазиатской страны. Итогом межрегиональных мероприятий стало учреждение Совета регионов Узбекистана и Китая.

Китайский фактор во внешней политике Узбекистана играет все более заметную роль. Отказ РУз с приходом к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г. от изоляционистской политики способствовал быстрому развитию узбекско-китайских отношений в экономическом и политическом направлениях.

Однако помимо экономических задач, которые сегодня преобладают в двусторонней повестке, Узбекистану важно решать и вопросы безопасности. Не только украинский конфликт, который косвенно затрагивает ЦА, но и более актуальный афганский сюжет держат вопросы региональной безопасности в фокусе внимания властей Узбе-

кистана. И Китай, избегая прямых обязательств и не претендуя на статус гаранта региональной безопасности, в то же время играет заметную роль на треке поддержания мира и стабильности в Центральной Азии.

В частности, большое внимание и в Узбекистане, и в Китае уделяется роли ШОС как площадке по противодействию трем видам угроз — терроризму, экстремизму, сепаратизму. Именно ШОС для Узбекистана сегодня является той международной площадкой в сфере безопасности, которая выступает связующим звеном между странами региона и другими игроками, начиная с России и Китая, с которыми власти Узбекистана сверяют часы по вопросам стабильности в регионе. Именно самаркандский саммит ШОС в 2022 г. стал первым после ковидного перерыва и первым с начала СВО на Украине, на котором лидеры Организации обсуждали актуальную повестку в области безопасности уже с учетом открытых дискуссий о судьбах архитектуры международных отношений по западному сценарию.

Для Узбекистана основными «болевыми точками» в сфере безопасности остаются Афганистан, риски распространения радикального ислама, киберпреступность, продовольственная безопасность, истощение водных ресурсов. Это те позиции, по которым Узбекистан и Китай сегодня активно взаимодействуют на различных площадках. Стоит отметить, однако, что потенциала ШОС не хватает для решения вопросов, связанных с безопасностью в узбекско-афганском пограничье, и это тот «сюжет», который РУз сегодня решает самостоятельно.

Вне функционала ШОС находятся такие насущные для безопасности в регионе задачи, как нормализация политической обстановки в Афганистане, проблемы ее «прозрачности» (в том числе создание инклюзивного правительства, на чем настаивают все страны ШОС, но что отвергают власти Афганистана во главе с «Талибаном» (*организация запрещена в России*)), обеспечение контроля над территорией страны [Рахимов, 2022, с. 377].

Экономика в приоритете

Экономический интерес Узбекистана и Китая к дальнейшему наращиванию двустороннего партнерства действительно носит взаимный характер. Китай является одним из ключевых торгово-экономических контрагентов РУз. В марте 2024 г. товарооборот Узбекистана с Китаем превысил 3 млрд долл., Россия по этим показателям занимает

2-е место (более 2,8 млрд долл.)¹. Доля Китая в общем товарообороте Узбекистана достигла 19 %. Здесь Китай немного опережает Россию, доля которой составляет 17 %.

Китайский экспорт в Узбекистан заметно вырос. Если в 2022 г. его рост составлял 121 %, то в 2023 г. этот показатель достиг 151 %. Однако что касается сальдо торгового баланса, то в случае с Китаем для Узбекистана оно традиционно отрицательное. Импорт из Китая кратно превышает экспорт товаров РУз. Китай поставляет в Узбекистан преимущественно машины и оборудование, промышленные товары и продукцию химической промышленности, в то время как Узбекистан экспортирует главным образом услуги, промышленные товары и топливо².

Китай проявляет большой интерес к инвестиционному потенциалу Узбекистана, являясь лидером по объему прямых иностранных инвестиций в эту страну. За 2023 г. общий приток китайских инвестиций составил более 2 млрд долл. На деловом поле Узбекистана представлен широкий спектр ведущих китайских компаний, включая *Huawei*, *ZTE*, *Sinostruk*, *Heng Bang Textile Central Asia* и др.

Узбекистан и Китай планируют совместно развивать индустриальную зону «Янги аволд» площадью 664,5 га в Ташкенте. Китай инвестирует в такие проекты, как производство оборудования по очистке сточных вод, управление твердыми бытовыми отходами и электронными отходами, производство энергии из свалочного газа. Успешна двусторонняя кооперация в сфере развития особых экономических зон. Регулярно проводятся двусторонние экономические форумы, на которых рассматриваются возможности расширения узбекского рынка для Китая.

Узбекистан имеет общую границу со всеми странами Центральной Азии и по этой причине сохраняет свою транзитную привлекательность в рамках ИПП. В частности, на повестке дня стоит вопрос о строительстве железнодорожной магистрали Китай—Киргизия—Узбекистан, которая должна связать регион через Каспий и Турцию с европейской сетью железных дорог в рамках инициативы «Пояс и путь». Предполагается, что ключевым инвестором проекта на центральноазиатском участке выступит китайская сторона. Несмотря на то что данный проект находится в стадии согласования, упираясь в переговорные слож-

¹ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 30.04.2024).

² ReviewUz. URL: <https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-s-kitaem-za-2023-god> (дата обращения: 30.04.2024).

ности по вопросам финансирования и состыковки колеи на китайско-киргизском участке дороги, стороны не снимают его с повестки. На полях саммита «Китай—Центральная Азия» в 2023 г. соглашение по данному флагманскому проекту в итоге было подписано.

Указанный проект в равной степени важен для обеих сторон. Китай развивает сеть транспортно-логистических маршрутов в рамках ИПП и в то же время ищет возможности обхода проблемных для него направлений. Сегодня таковыми являются Россия, санкции в отношении которой определенным образом ограничивают ее транзитные возможности, и Казахстан, который из-за угрозы вторичных санкций периодически задерживает «подозрительные» грузы на своей границе.

Железная дорога в Узбекистан соответствует задачам КНР по укреплению ее экономических позиций в Евразии. Китай делает ставку на диверсификацию маршрутов поставок, подключая к своим проектам тех игроков, чьи стратегические задачи совпадают с китайскими. Узбекистан как раз и является тем центральноазиатским актором, для которого исполнение функции регионального транзитного хаба является весьма благоприятной перспективой, поскольку оно способно вывести его на позиции регионального лидера, несмотря на отсутствие у РУз выхода к морю и территориальную зажатость между остальными центральноазиатскими государствами с их более выгодным в этом смысле географическим положением.

Узбекистан и Китай наращивают железнодорожные перевозки по ряду направлений. В 2023 г. была открыта трансграничная железнодорожная ветка из китайского г. Лючжоу в Узбекистан. При этом данный маршрут имеет конкретную отраслевую направленность. Лючжоу — город в Гуанси-Чжуанском автономном районе на юге Китая, где сосредоточены производства автомобилей и автозапчастей, и, таким образом, с помощью нового маршрута Китай планирует расширить экспорт своих автомобилей на узбекский рынок.

Кроме того, Узбекистан и Китай активно сотрудничают в деле инфраструктурного обеспечения бесперебойных поставок по текущим и новым маршрутам. Так, в частности, Китай активно инвестирует в цифровизацию на железнодорожном и автотранспорте, а Узбекистан рассчитывает на повышение квалификации своего персонала на транспорте благодаря совместным образовательным программам.

В целом, как отмечает Р. Махмудов, сегодня происходит экономизация внешней политики Узбекистана, т. е. смещение акцентов с политики безопасности к вопросам экономической значимости в выстраивании международных связей [Махмудов, 2021, с. 121]. И в этом контексте активизация транспортных проектов Китая с участием

Узбекистана может стать весомым вкладом в развитие транспортно-логистического потенциала РУз, способствуя выходу страны на внешние рынки.

Еще одной из ключевых сфер взаимного сотрудничества является топливно-энергетический сектор. Несмотря на то что Узбекистан в 2022 г. приостановил экспорт природного газа, Китай рассматривает возможность строительства четвертой ветки газопровода Туркменистан—Китай (или Центральная Азия—Китай) на узбекском участке. Китай проявляет интерес к наращиванию поставок из различных источников и в свете ставки на диверсификацию газопроводов держит в уме газовый потенциал Узбекистана.

В нефтегазовом секторе РУз сегодня реализуются такие проекты, как «Денгизкуль», «Хадживлат» и «Шаркий Адат». Работу проектов обеспечивает СП *New Silk Road Oil and Gas*. Китайская нефтегазовая корпорация *CNPC* проявляет интерес к строительству подземных газохранилищ, модернизации узбекской газотранспортной системы, а также подготовке квалифицированных кадров для работы на китайских нефтегазовых предприятиях в Узбекистане.

Заключение

Итак, рассмотрев некоторые направления сотрудничества Узбекистана и Китая сегодня, можно сделать вывод о перспективности двустороннего взаимодействия в решении тех актуальных задач, которые стоят перед двумя странами.

Узбекистан в условиях сохраняющейся геополитической напряженности избегает солидаризации с одним центром силы, продолжая политику многовекторности и развивая отношения с основными партнерами.

Значимость взаимных отношений для КНР и Узбекистана определяется экономической заинтересованностью Китая в инвестировании в РУз, с одной стороны, и ответной готовностью Узбекистана эти ПИИ принимать — с другой, а также деполитизированностью диалога двух стран и близостью их подходов по общим вопросам международной повестки. Китай делает ставку на развитие востребованных современным Узбекистаном отраслей, таких как промышленное производство, нефтегазовый сектор, цифровые технологии, логистика. Кроме того, Китай развивает институциональное партнерство с РУз и другими странами Центральной Азии в рамках формата «Центральная Азия+Китай», создавая тем самым дополнительную площадку для многостороннего и двустороннего диалога.

В то же время растущая экономическая «экспансия» Китая в Узбекистане пока не в достаточной мере решает те задачи, которые стоят сегодня перед РУз. Среди этих задач — повышение экспортного потенциала и преодоление импортоориентированности экономики, расширение внутренних возможностей для трудоустройства своего работоспособного населения, сохранение многовекторности внешней политики, решение вопросов безопасности.

Библиографический список

Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 27 (27). С.77—27. DOI: 10.48647/ICCA.2023.16.55.007.

Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1. С. 121—234. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

Притчин С.А. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 12(67). С. 104—215. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.

Рахимов К. Вклад государств — членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования. 2022. № 4(5). С. 367—285.

References

Leksyutina, Ya.V. (2023). Kitaj v Central'noj Azii v «postpandemijnyj» period: k novomu kachestvu vzaimodejstviya [China in Central Asia in the “post-pandemic” period: towards a new quality of interaction], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremenost'* [China in world and regional politics. History and modernity], Vol. 27: 27: 77—27. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.16.55.007.

Mahmudov R. (2021). Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana [Foreign policy of modern Uzbekistan], *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and new states in Eurasia]:1: 121—234. (In Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

Pritchinn S.A. (2023). Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshnej politiki stran Central'noj Azii [Multi-vectorism as the main model of foreign policy of the countries of Central Asia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], Vol.67: 12: 104—215. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.

Rahimov K. (2022). Vklad gosudarstv-chlenov ShOS po uregulirovaniyu afganskogo krizisa: do i posle vyvoda voennogo kontingenta NATO [Contribution of the SCO member states to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]: 4(5): 367—285. (In Russian).